

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01 / 09: 821.161(470).3251

ДРАМАТИЗИРОВАННЫЙ ЭПОС «БРАНЕЙ...» ИОАСАФА (ГОРЛЕНКО), ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО, И ФИЛОСОФА СЛОБОЖАНЩИНЫ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

А. И. Жиленков

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности восприятия наследия Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и украинского мыслителя Григория Сковороды, их произведения анализируются с учетом жанровых особенностей.

Ключевые слова: драматизированный эпос, традиционализм, аллегоризм, жанр, рецензия.

В статье изучается драматизированный эпос в творчестве православных подвижников – Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и Григория Саввича Сковороды. Актуальность выбора авторов обусловлена исторической значимостью их религиозной деятельности, а также культурным масштабом творчества.

Иоасаф (Горленко) (1705 – 1754) – видный церковный деятель. Родился на Украине, в городе Прилуки Полтавской губернии, в казацкой семье. Учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1725 г. принял монашеский постриг. Был настоятелем Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии и наместником Троице-Сергиевой лавры. С 1748 г. – епископ Белгородский и Обоянский. Был выдающимся просветителем своего времени, «правилом веры» [1, с. 6] распространял в народе грамотность, уделяя большое внимание работе учебных заведений и делая церкви центром просвещения и воспитания.

Г. С. Сковорода (1722 – 1794) – религиозный мыслитель, педагог, поэт, музыкант – был младшим современником Иоасафа. Просвещая народ Украины и Слобожанщины, «Сковорода был для своего времени человеком энциклопедически образованным... В своей деятельности как философ, поэт и сатирик, Сковорода связан с русским просветительством XVIII в. Однако в своем постоянном «искании истины», в философском развитии Сковорода шел своеобразным путем» [2, с. 116].

В судьбах этих исторических деятелей можно усмотреть много общего, это

- и время жизни – XVIII ст.;
- и место рождения – Малороссия;
- и происхождение – Иоасаф из знатного казацкого рода Горленко; Г.С. Сковорода – из простых казаков;
- и образование – Киево-Могилянская академия;

– и педагогическое поприще – еще до окончания академии Иоасаф был назначен там же преподавателем словесности; а Сковорода преподавал в Харьковском коллегиуме;

– и место святительского подвига Иоасафа и просветительской деятельности Г. С. Сковороды – Слободская Украина (Слобожанщина), в которую входили тогда западные земли Белгородчины (в 1765 г. по указу императрицы Екатерины II из вольных слободских полков была учреждена Слободская Украинская губерния Российской империи, переименованная позднее в Харьковское Наместничество).

Во время исполнения учительской должности с 1759 по 1769 гг. в Харьковском коллегиуме Сковорода не мог лично быть знакомым с Иоасафом, умершим в 1754 г., хотя мог слышать о нем, так как коллегиум как духовное учебное заведение в то время находился в подчинении Белгородского епископа.

В данном исследовании драматизированный эпос представляет интерес не столько как исторический источник, сколько как отражение религиозно-философского мировоззрения, церковного сознания, специфического эстетического видения жизни, детерминированного психологией эпохи.

Тема работы нацеливает на исследование межродовых взаимодействий драматургии и эпоса на материале литературы XVIII века. XVIII ст. в литературе и шире, в искусстве, знаменует завершение исторического Средневековья и начавшееся Новое время.

Драматизация эпоса рассматривается с точки зрения исторической поэтики, исследующей художественное мышление в перспективе смены эстетических эпох и творческих систем, а XVIII век – как переходный от поэтики традиционалистской (эйдетики) к поэтике антитрадиционалистской (художественной модальности). Фактор переходности во многом объясняет художественные феномены, отмеченные печатью синтеза, родовых и жанровых форм, стилей, идей и проявляется на различных уровнях творчества – субъективной сферы, словесной образности, сюжетостроения, жанрообразования.

В творческом наследии святителя Иоасафа и Г. С. Сковороды присутствуют произведения, близкие как по форме, так и по содержанию: «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырнадцатницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом» (1737) [3] Иоасафа и «Брань архистратига Михаила с Сатаной о сем: легко ли быть благим» (1783) Г. С. Сковороды [4].

Создание произведений разделено хронологически почти полувеком, тем не менее, они принадлежат одной традиционалистской поэтике. Это типичные образцы клерикальной словесности. Их идейный смысл, характерный для древнерусской книжности, выражает извечный выбор человека между добром и злом. Не случайно оба писателя в заглавиях прибегают к одному слову «брань» (по-древнерусски «война», «битва», позднее сопрягалось с понятием «спор», «диалог»).

В «Брани...» Иоасафа изображена борьба человека с пороками и то, как он из-за «самонадеянности делается достоянием страстей и спасается от них только верой в Бога»; в произведении добродетели и пороки персонифицированы и абстрактный человек оказывается свидетелем их борьбы.

«Человек – пришелец в мир,
временный и странный,
Проходил и вдаль и вширь
Все земные страны.
О бессмертии мечтал в этой краткой жизни,
К Небесам душой взлетал, как к святой Отчизне.
И на жизненных стезях, лютый и суровый,
Вдруг напал жестокий враг, вмиг убить готовый.
Он же смело в брань вступил, в жарком ратном деле

Духом силы укрепил в слабом, тленном теле.

Против – смертных семь грехов:

начал он сражаться

С ними, бой тот был суров –

плоти всё же – сдаться» [3, с. 17].

Иоасаф показывает, как в человеческой душе идёт битва доброго и злого начал, персонифицированных в образы страстей и добродетелей. С одной стороны выступает «царица Гордость» со своими воинами – «Лакомством», «Блудом», «Завистью», «Ненасытностью», «Злостью» и «Ленью». На войну с пороками поднимается «царица Смирение» со своими воинами «Милосердием», «Целомудрием», «Любовью», «Постом», «Покорностью» и «Набожностью». Битва происходит по всем правилам военного искусства.

Участниками «Брани...» Сковороды являются ратный начальник ангелов – архангел Михаил и их противник Сатана. «Сего убо ради сия книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: ангельское и сатанское, борющиеся между собою. Сие два царства в каждом человеке деют вечную борьбу». «Библейские образы, по мнению Сковороды, – это только символы и аллегории, под которыми скрыты попытки понять законы природы» [2, с. 117]. «Если символический мир Библии выполнял своеобразную связующую роль между микрокосмом и макрокосмом, то человек был концом, центром и гаванью этого мира. При этом имелся в виду не живой, конкретный человек, а его метафизическая сущность, божественная идея человека, существующая в божественном интеллекте, внутренний человек, созданный по образцу и подобию Божьему» [5, с. 445].

Переходность обоих произведений заключается в наличии черт традиционалистских, от прежней средневековой поэтики, и антитрадиционалистских, от новой поэтики. Новизна заключалась в том, что поэзия становилась по преимуществу оригинальной, но в произведениях обнаруживаются также типологические признаки средневековой литературы – традиционализм, прикладной характер, этикетность, формульный стиль.

Феномен драматизации эпоса нельзя однозначно отнести либо к старому искусству, либо к новому. Идея борьбы сил добра и зла за человека в XVIII в. актуализирует в эпосе драматическую форму. Эпическое повествование как бы взрывается сюжетной конфликтностью, напряженной интригой, динамикой действия и, главное, в духе века Просвещения – вниманием к самому человеку, хоть и еще по-клерикальному типизированному, но уже ожившему в борьбе антагонистических страстей.

Очевидно, что эпические произведения как Иоасафа, так и Сковороды носят переходный характер, и драматизация определенно указывает на эту переходность. В ней скрещиваются эстетические эпохи.

Средневековыми сочинения делают как мощный *дидактизм*, так и *прикладной характер*.

«Брани...» нацелены на развитие благочестия, что сразу же указывает на их прикладной характер, который, во-первых, выражается в дидактическом разъяснении догмата о всеблагой воле Господа и зловредности Сатаны, спасительности для человека веры в Бога, и, во-вторых, в использовании в церковном быту, так как произведение Иоасафа было торжественно прочитано на Пасху 1737 г., когда он служил преподавателем и экзаменатором Киевской Духовной академии, иеромонахом, в качестве ответственного слова в стихах собственного сочинения прибывшему в Киев новому правящему архиерею – архиепископу Рафаилу (Заборовскому).

Написано произведение на церковно-славянском языке. Рукописный текст «Брани...» иеромонах Иоасаф подарил архиепископу Рафаилу.

«Брань...» неоднократно переписывалась. Список, хранившийся в Церковно-археологическом музее Киевской Духовной академии, стал источником для первой публикации «Брани...» в 1892 году. Современный поэтический перевод на русский

язык был сделан преподавателем Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), клириком Николо-Иоасафовского собора Белгорода протоиереем Игорем Кобелевым. Книга, содержащая вступительные статьи, церковно-славянский текст поэмы и ее современный поэтический перевод была выпущена в свет в октябре 2002 г.

Другой типологический признак средневековой литературы – *традиционализм* – проявляется в ориентированности авторов на образцы предшествовавшей словесности, общим для которых был эпический жанр, а уже в эпическое повествование от лица автора включались драматизированные элементы, часто в виде диалогов.

Композиция иоасафовской «Брани...» выстроена в виде глав, приуроченных к семи седмицам Великого поста и отдельным эпизодам из литургии.

Традиционно в это время Церковь, приуготовив верующих к подвигам поста и покаяния, вводит их в самый подвиг. Богослужения Великого поста как и богослужения подготовительных к нему недель, постоянно побуждая к посту и покаянию, изображает состояние души, кающейся и плачущей о своих грехах. Этому соответствует внешний образ совершения великопостных богослужений: в седмичные дни Великого поста, исключая субботы и воскресения, Церковь не совершает полной литургии. По средам и пятницам служитя литургия Преждеосвященных Даров. Состав других церковных служб изменяется сообразно с временем. В седмичные дни почти прекращается пение, предпочитается чтение из Вехозаветных писаний, особенно Псалтири. Во все церковные службы вводится молитва святого Ефрема Сирина с великими поклонами.

Святая Четыредесятница и ее богослужения начинаются с вечерни Недели сыропустной.

Каждой седмице Великого поста предъявляются особые требования, которые учитывались и при создании композиции «Брани...» Иоасафа. Сюжет выстраивается как чередование седмиц Поста.

Перед седмицами Поста упоминается «Неделя о Мытаре и Фарисее». Затем текст произведения сопровождается отметками на полях очередной недели.

«Неделя 1-я Святого поста, в которую празднуется восстановление икон».

«Воинам вручил своим, дав им повеление
Перед образом святым возносить моленье,
Как перед Царем Самим, ибо честь иконы
Принята отныне Им в вечные законы» [3, с. 41].

«Неделя 2-я Святого поста, в которую почитается память свт. Григория Паламы».

«Войск Добра почетный муж, именем Григорий,
Мудр и во спасенье душ на советы скорый» [3, с. 43].

«Неделя средняя Святого поста, в которую поклоняемся Честному Кресту».

«Ангел здесь Крест водрузил меж Добра сынами
И пред строем возгласил: «Вот – победы знамя!» [3, с. 55].

«Неделя 4-я Святого поста, в которую почитается память св. прп. Иона Лествичника» [3, с. 81].

«Но – нашелся Иоанн Лествичник чудесный
В подвигах ему был дан свыше дар небесный» [3, с. 81].

«Неделя 5-я Святого поста, в которую почитается память прп. Марии Египетской» [3, с. 74].

«Шестая седмица – вайй (ветвей)» [3, с. 77].

«Слово Божье все сильней силу вражью било
Но до пленников шесть дней мчатся надо было.
А когда Оно в полках Добрых зазвучало,
То с ветвями пальм в руках воинство встречало» [3, с. 77].

«Победоносный Воскресения день» [3, с. 89].

«Счастье, радость – на весь мир! Блещет свет из гроба!
Прекратился адов пир, лопнула утроба!
Ад всех узников своих вмиг цепей лишает.
Мертвые встают, из них каждый возглашает
Радостно: «Христос Воскрес!..» [3, с. 89].

Конфликт между добром и злом определяет развитие сюжета, кульминация которого приурочена к светлому Христову Воскресению. И это необходимо определить в качестве внелитературных традиционных пластов. А вот средневековый жанр видений с сильным эпическим началом и ренессансный жанр моралите с определяющим для него драматическим фактором могут быть названы в качестве главных литературных источников иоасафовской «Брани...».

И все же при сохранении традиционалистских черт рассматриваемых произведений в них оказывается разрушенным важнейший принцип средневековой поэтики – анонимность.

У Иоасафа произведению предпосланы, во-первых, прозаическое обращение автора к архиепископу Рафаилу, хотя и выдержанное в этикетном смиренном тоне, но дается с прямым указанием на личное авторство, и, во-вторых, стихотворное обращение «К читателю» в форме акростиха, в котором начальные буквы шести- и восьмистиший образовывали имя автора – Иоасаф Горленко.

Обращение «К читателю» типично для светской просветительской литературы XVIII века. По правилам древнерусской книжности автор излагал свое сочинение в устной форме, читая его слушателю, а наличие же данного обращения нацеливало на слово письменное, литературное. Иоасафовская «Брань...» дополнялась в финале еще и обращением «К читателю стихами окончательными», в котором подводился содержательный итог сочинения и «поучение» таким образом завершалось.

Сковорода подписывал свою «Брань...» как «старец Даниил Варсава», что не случайно, ибо Варсава с древнееврейского языка значит «сын Саввы», а это – настоящее отчество Сковороды (Варсава упоминается в книге деяний апостольских как один из семидесяти апостолов, а Даниил – «судья Божий», то есть открывающий от лица Бога волю Его – четвертый из больших пророков). Псевдоним прямо указывал на связь с Библией. Ветхозаветное имянаречение отнюдь не камуфлировало подлинное авторство писателя, но с опорой на авторитет Ветхого Завета подчеркивало и указывало на него.

Традиционализм, как уже было отмечено, проявляется в ориентире авторов на образцы предшествовавшей словесности. Несомненно, «Брань...» Сковороды испытала влияние драматизированных диалогов украинских писателей XVII в., но все же в ней своеобразно подчеркнута философичность, и место действия указано максимально обобщенно – «поднебесье», «атмосфера», «радуга», так же как и время действия – довольно неопределенно – «вечер», «ночь», «рассвет». Философскими диалоги Сковороды делают их тематика, проблематика, сам предмет «Брани...» – «легко ли быть благим» (древнерусское «благий» – добрый, хороший, святой). «В области этических

взглядов Сковорода придерживался той мысли, что целью человеческой жизни является счастье. Оно заключается в душевном покое и сердечной веселости» [2, с. 117].

Диалоги были известны в Малороссии XVII в. и использовались для оформления драматических жанров, в которых действующие лица не просто декларировали свои стихотворные или прозаические партии, а представляли определенных персонажей. Среди них выступали герои христианской истории, а так же аллегорические фигуры. К драматическим произведениям такого рода относились «Вирши из трагедии «Христос пасхон» Андрея Скульского» (Львов, 1630) и «Размышления о муке Христа» Иоанния Волковича (Львов, 1931). Диалоги становятся основой жанровых форм мистерий (пьес на рождественские и пасхальные сюжеты) и миракли (пьес на сюжеты из жизни святых).

Мистерии представлены, например, «Словом о разорении ада» (II пол. XVII века), «Действием на страсти Христовы» (80-е годы XVII века), «Царством природы людской» (1693 г.). «Слово...» разрабатывало сюжет из апокрифического «Никодимова евангелия», о том, как Христос разоряет ад и освобождает души праотцев. Место действия представлено в виде средневекового замка. Персонажи – Христос, Богородица, Иоанн Креститель, Соломон Премудрый, Ад, Люцифер и др. – наделены некоторыми индивидуальными и локальными штрихами, выявляют человеческие «заземленные» эмоции. В обрисовке места действия и персонажей, а так же в языке и стихе проступают фольклорные элементы.

Картина «Брани...» приходит к Сковороде в типичной средневековой форме «видения» и выстраивается в своеобразный «философский» диспут или «мировоззренческий» диалог.

«В недрах поэтических откровений были заключены его... философские прозрения и формы его жизненного поведения» [5, с. 445].

Несомненно, и в этом проявляется незаурядная образованность автора, его знание мировой культуры, литературы, так как жанр диалога был известен еще в древней Греции. Именно в этой форме вел беседы с гражданами Афин Сократ, на которого часто ссылается Сковорода, а образ жизни Сократа и мудрствования были ему так же весьма близки. Ученик Сократа Платон придал устным беседам литературную форму диалогов, а самого учителя сделал главным героем.

Спор в «Брани...» Сковороды начинается с провокационного заявления Сатаны, который утверждает как новый догмат: «Претрудно быть жителем небесным». Михаил отвечает: «Се ключ, всем врата ада отверзающий. Се соблазн всем путь на небеса оскорбляющий!». Словопрения завершаются поражением архангелом Михаилом самого сердца Сатаны «молниевидным копьем» и повержением его в «облак вечерний».

Далее «Брань...» трансформируется в богословское рассуждение на ранее обозначенную тему; и драматизированная диалогичность вносится во внутрь рассуждения. Архангел Михаил обращается к «небесным архивоинам», восседающим на радуге, Гавриилу, Рафаилу, Урииму и Варахиилу, ведет с ними «беседу ангельскую» о сердце человеческом, как «неограниченной бездне», засеянной семенами злых дел, «семенами сатаны»; приводит притчу о «Львиной ограде» сатанинской, в которую уловляются души «убоявшихся человекоубийцу».

О «Пути спасительном» благовествует Гавриил, называя «другом нашим» Даниила Варсаву, то есть самого Сковороду.

О «Пути мира, нареченным пустым» предупреждает Рафаил, приводя в качестве примеров: 1) «Песнь богача», так что даже «ангельские силы ужаснулись, видяще», сколь хитро растлил сатана «сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира», а затем и 2) «Песнь молящихся лицемеров», вся молитва которых «в том, чтоб роптать на Бога и просить леностей». Архангел Варахиил возопил: «... смрад содомский восходит от сего пути», ангелы же подтвердили песней, что никто «не будет сыт плотским дух», ибо «бездна бездну призывает».

Воспевши же вопросили: «Что есть «клевета», «кознь», на чем основано «адское царство», и так же ответствовали: «На зле сатанинском».

Затем же обратившись к господу Богу, в молитве всерадостно восклицали: «Да будет новый свет!» и «Обновление мира», – воспели в песнях духовных «Песнь победную».

Увидевши славное царство и святую землю, утвердили: «Легко быть благим».

Таким образом, «Брани...» Иоасафа и Г. С. Сковороды, так же как и все их творчество, носят переходный характер – от поэтики Средневековья к Новому времени. Драматизация эпоса – одна из черт переходности, впрочем, представлена в рассматриваемых произведениях по-разному: у Иоасафа она объективизирована по сюжету в действиях аллегорических фигур, а у Сковороды она входит как бы внутрь логики философского диалога и определяет его напряженное развитие. Драматизация эпоса становится средством актуализации в литературе XVIII в. идеи человека и борьбы сил добра и зла за его сердце и душу.

Список литературы

1. Житие, служба, акафист святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, Чудотворцу / Сост. списка литературы – А. Н. Крупенков, И. В. Медведева. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 192 с.
2. История украинской литературы. В 2-х томах. – Т. 1. – Дооктябрьская литература. – Киев: АН УССР, 1954. – 759 с.
3. Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 100 с.
4. Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды. В 2-х томах. – Киев: Наукова Думка, 1973. – Т. 1. – 532 с.; Т.2. – 576 с.
5. Абрамов А. И. Сковорода / Русская философия: Словарь. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

THE DRAMATICAL EPOS OF «BATTLE...» BY JOASAPH (GORLENKO), THE BISHOP OF BELGOROD, AND GRIGORY SKOVORODA, THE PHILOSOPHER OF SLOBOZHANSKINA

A. I. Zhilenkov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

The article discusses the issue of perception of the artistic heritage of Joasaf (Gorlenko), the bishop of Belgorod and G.S. Skovoroda, whose works are observed in the genre perspective.

Key words: dramatical epos, allegorize, traditionalism, genre, perception.